

Знаете, есть такая петербургская мифология: только петербургские архитекторы умеют строить в этом городе. Но «градостроительные ошибки» последних десятилетий — работа своих, родных, а не московских или иностранных архитекторов-диверсантов. Нужно это признать. А сложнее будет потому, что авторы проекта «Зарядье», как мне кажется, случайно попали в нерв аудитории, что обеспечивает спрос на этот парк сейчас и у москвичей, и у туристов. Стилистически все эти параболические формы, арки «Зарядья» — хорошая аллюзия на советский модернизм конца пятидесятых-шестидесятых. С одной стороны, сверху усердно насаждается ностальгия по великому советскому прошлому, с другой — людям хочется ностальгировать по мягким временам, по «оттепели», по эпохе Гагарина и так далее. Московские дизайнеры отлично это используют: вы приезжаете и видите все эти киоски со шрифтами из 1960-х, полурукописные неоновые вывески. Проблема в том, что в Петербурге этой ностальгии нет совсем: Москва была городом советского успеха, Ленинград — городом внутренней эмиграции. Играть у нас на советских аллюзиях не получится, а попытаться откопать имперскую ностальгию по XIX веку... боюсь, нет таких инструментов, чтобы эту идею грамотно стилизовать. Получится опять так называемый «петербургский контекстуализм», который просто уже вторая, третья, седьмая вода на классическом киселе.

Г: Может, стоит пойти от того, чего в Петербурге еще нет? Как вам идея сделать парк для одиночек?

В. Б.: Я дома люблю больше, чем людей, но совершенно не понимаю эту формулировку: «для одиночек». Помните, у Ильфа в «Записных книжках»: «Одиноким ищет комнату. Одиному нужна комната. Одиноким, одиноким, страшно одиноким. Одиноким с дочерью ищет комнату»? У нас пять миллионов таких одиноких. Нет, я боюсь, что подобные формулировки скорее уведут от социальной осознанности. Если сейчас пойти на проспект Добролюбова и спросить местного жителя: «Что бы вы хотели вон там, через дорогу, в двадцати метрах от вас?» — вряд ли ответ будет: «Я хочу парк для одиноких», «Мне негде остаться одному». Этот конструкт абсолютно не инструментальный. Хорошо, когда архитекторы начинают концептуализировать, но в итоге все эти тонкие рефлексии нужно будет перевести в конкретную форму.

Г: Кажется, что само слепое пятно сопротивляется тому, чтобы мы его увидели в новом свете.

В. Б.: Насчет возможности увидеть: внезапно оказалось, что в Петербурге есть потенциальная новая видовая точка. Раньше у каждого горожанина не было шанса посмотреть с высоты десяти метров на Дворцовую набережную и на Стрелку с этого ракурса, и это очень ценная возможность. Посмотрите, как это здорово сработало в «Зарядье»: вы стоите над Москвой-рекой и по-новому смотрите на город. Но это тоже настолько очевидная идея, что любой ландшафтник придет к нашему слепому пятну и, конечно же, скажет: «Давайте сделаем здесь смотровую вышку!» А в целом, у меня есть единственная надежда, что чем бы ни нафаршировали Тучков буян, архитектурно это не ухудшит перспективу. ■

21 → Проблемы северных стран ужасающи — тот, кто изобретет, как обсадить дом деревьями в нашем климате, несомненно, озолотится, но пока надежда только на елки. Изнутри квартира может быть более или менее любой, важно, чтобы она выходила в парк.

Сегодня более или менее понятно, как сделать современный офис. Конечно, это должен быть open-space. Европейская коридорно-кабинетная система ушла в прошлое, американская победила. Это должен быть большой зал, где все сидят вместе, но боже вас упаси ставить компьютерные столы в ряд, один к другому. Они должны стоять свободно, как столики в кафе на площади. И на столах, и между ними надо ставить цветы в кадках и горшках, причем лучше, если расти будет что-нибудь съедобное — лук, скажем, с мандаринами. Офис следует грамотно зонировать — у него должна быть некая главная улица и ветвящиеся от нее резидентные переулки с постоянным местом присадки сотрудников. Несколько мест следует организовать как площади для совещаний, стоячих и сидячих, но не на одинаковых стульях, а чтобы были кресла, пуфики, скамеечки и табуретки, будто это случайно собралось. Места, нерелевантные для прохода сотрудников, стоит засадить травой. В офисе должно быть как можно больше естественного света, а искусственный — приближен к естественному по температуре. Можно запустить разумное количество птиц — попугаев, канареек, колибри. Помимо основных рабочих мест следует предусмотреть места для отдыха — шезлонги и пуфики свободных форм. В офисе обязательно должны быть стойки на манер пляжных баров с кофемашинами, чаем и, возможно, другими напитками и легкими закусками. Стоит предусмотреть спортивную зону — пинг-понг, мини-гольф, возможно, фитнес. Обязательны душ и переодевалки. Покамест я еще не видел проектов офиса с открытым бассейном, но в будущем он, несомненно, появится. Внутри офиса, не отделяя его от основного пространства, стоит ввести актовый зал на манер свободного амфитеатра — для лекций и интеллектуальных игр.

Сегодня более или менее понятно, как делать современный парк. Сегодня парк — это не лес в городе; парк, состоящий только из деревьев, кустов и травы, — это отстой и позавчерашний день. Даже дерево в парке — это не растение, а экспонат зеленого музея. Вы должны вводить в парк спорт, причем так, чтобы тренирующиеся не качались особо, но представляли собой усадю для глаз гуляющих наравне с цветами и живописными деревьями. В парке, разумеется, должны быть кафе, прежде всего с напитками и легкими закусками. Парк без амфитеатра для интеллектуальных игр и свободных лекций — деньги на ветер. И в последнее время появилась тенденция располагать в парках рабочие места — столы и кресла, куда каждый может прийти со своим компьютером и подключиться к парковому вай-фаю. Это могут быть и открытые столы, и крытые павильоны на манер оранжерей на случай дождя. И в том, и в другом случае это должно быть место, где вы одновременно находитесь в одиночестве и на людях, вроде столика в кафе на краю большой площади.

Вас, вероятно, уже тошнит от этого благодущия? Где «Метрополис»? Где Sin City? Где город-ад, в который спускают-

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВСКИЙ

СПОРТ В КОНЦЕПЦИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЛАНДШАФТОВ ИГРАЕТ ЗАМЕТНУЮ РОЛЬ

ся за фантастическими богатствами или в поисках смерти? Где борьба страстей? Где город диктаторов и миллиардеров? Где город рабочих трущоб, где в грязи и нищете зреет прекрасное будущее? А вот нет его. Посмотрите тысячи проектов благоустройства во всем мире, просто наберите в Google images запрос на urban design — на вас вывалятся сотни тысяч примерно одинаковых картинок, подобных тем, которые я описал.

Почему?

Надо сказать, такой поворот оказался несколько неожиданным для урбанистики. Само ее появление не как теории города, а как проектной практики было вызвано реакцией на модернистский город. Тогда Джейн Джекобс воспела традиционную улицу с ее магазинами и кафе, ее камерным масштабом и местным сообществом. Но она вовсе не предполагала, что это сообщество будет лежать на улице в гамаках среди зеленых насаждений и слушать журчание искусственных ручьев и фонтанчиков. Речь шла о возвращении к традиционному европейскому городу с квартальной структурой. Вместо этого возникло нечто иное.

Я бы даже сказал, что неожиданно победил один из изводов индустриального города. Индустриальный город помимо своего основного типа — города-завода — породил некоторые дериваты, и в частности — город-курорт. И это вовсе не курортный городок XIX века, не Брайтон и не довоенная Ницца, это не город для аристократии и буржуазии. Он предполагает пару — город-завод, в котором жители являются дополнением к станкам, но в отпуск массово отправляются оздоравливаться. Это город, в котором среда является цехом для производства досуга и оздоровления в массовых масштабах. В нем каждый пятничок норовит превратиться в парк, а каждый парк — в спортивно-музыкально-торговый комплекс. Приемы построения такого города вырвались из приморских санаторных зон и перекочевали в города, которые раньше и думать не думали о подобных садово-парковых ценностях.

Пропуском им послужила экология. Более или менее бессмысленно говорить о том, насколько весь этот экологический дизайн «на самом деле» неэкологичен, сколько энергии и ресурсов требуется для

создания этой искусственной природы в городе и как это вредно с точки зрения экологии Земли, — это все разговоры в пользу бедных. Экология тут ведет себя как мода и вера — она требует не расчетов, а символов близости к природе в каждой точке городского пространства. Вопрос в том, насколько такое понимание города, при всей своей сиюминутной наивности, способно к существованию в будущем.

Для этого есть основания. Основа постиндустриального города — обмен (товарами, знаниями, технологиями, услугами, эмоциями, впечатлениями). Главный тормоз обмена — издержки на доверии. Агрессивная городская среда увеличивает эти издержки, поскольку порождает агрессивное поведение. Соответственный город-курорт, среда которого продуцирует разнообразные типы расслабленности, максимально и массово снижает эти издержки. Этот город, конечно, friendly до невыносимой степени, но именно это и требуется. Именно так город может конкурировать с социальными сетями, по крайней мере в той их части, где люди постят кошечек.

Это общее соображение, но есть и более конкретное. Этот несколько неожиданный извив архитектурно-дизайнерской мысли соответствует новым ценностям креативного класса. Если вы читали книги Ричарда Флориды, вы, вероятно, заметили некоторую противоречивость жизненной программы правильного креакла. С одной стороны, этот человек всегда креативит, для него нет рабочего дня и времени отдыха, нет отдельно работы и отдельно отпуска, он ест и креативит, спит и креативит, креативит в транспорте — тут нет остановки. Кроме того, он чрезвычайно озабочен состоянием своего здоровья, он все время занимается спортом и анализирует результаты занятий с помощью разнообразных девайсов, а уж как он ест — про это даже говорить не хочется. (Я, кстати, слышал, что вскорости от естественной еды люди откажутся и будут потреблять всякие порошочки и смеси наподобие тех, на которые мы перевели собачек и кошек, — их будут подбирать вам ваши интернет-трекеры по результатам анализа вашего организма, начиная от детского питания и до самой старости.) Так вот креаклы бесконечно работают и бесконечно заботятся о своей эффективности.

С другой стороны, они очень ценят свободу, ориентированы не на карьеру, а на качество жизни, для креативного процесса им необходимы клубы, современная музыка, вещества, меняющие состояние сознания, и разнообразие сексуального опыта, возможности расслабиться и уйти в другую реальность. Как это совместить с идеалом здорового образа жизни, понять трудно, но, вероятно, в будущем путь найдется.

Со своей стороны, я бы сказал, что основная идея креативного класса — это хиппи и яппи в одном флаконе. Отсюда понятно, что работа должна стать досугом, а досуг стать работой, и соответственный офис превратится в парк, а парк — в офис, дом — в офис и парк, улица — в клуб и дом. Мы стоим на пороге гибридизации всех функций типов городского пространства в целом и типов отдельных зданий. И, вероятно, на пороге гибрида между городом и не-городом, городом и лесом. Возможно, это и есть город будущего, и в этом смысле спальные микрорайоны 1960-х, гиперпарк с пятиэтажками, были вовсе не тупиком развития, но открытием пути в будущее. ■